

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР

Человек на себе познает природу времени. В беге дней, в кипении дел и событий исподволь, незаметно накапливается в нас то, что мы назовем возрастом. И он, возраст, — не только сумма прожитых лет, но и кладовая памяти. Памяти о минувшем, но не умершем в нас. В этом минувшем бессмертно звучат голоса и мерцают лица людей, и тихие стихи заглушают порою грохот орудий. Пусть изменять прошедшее не дано, но возвратиться в него память человека властна. А память писателя может и возрождать минувшее, приближать его к настоящему, как бы диктуя руке, бегущей по листу бумаги. Возрождать, возвращаться к нему вновь и вновь, чтобы продолжить давно уже начатый разговор. Разговор с другом — временем о человеке на войне, разговор двух, чтобы быть услышанным третьим, — именно так определил бы я содержание и главное назначение повестей Александра Кривицкого «Елка для взрослого» и «Тень друга, или ночные чтения сорок первого года», выдвинутых на соискание Государственной премии СССР.

В прожитых годах, как это водится в жизни, бывает все: и радости, и обиды, и счастье, и горе, и победы, и утраты. И то, каким именно светом озарена память человека, смотрящего в свое прошлое, точнее всего рассказывает о нем самом: о сердце его, душе, характере. Память Александра Кривицкого озарена светом любви. Любви к Отечеству. К людям, с кем довелось рука об руку жить, бороться. К газете «Красная звезда», где автор работал в военные годы.

Она озарена светом горячей любви к нашей армии.

Эта любовь — очень личное и глубоко осознанное чувство. «Любить войну невыносимо, бесчеловечно, — говорит автор. — Кто может примириться с горем? Любить можно его преодоление. Война — горе. Армия — ее преодоление. Она — меч страны, желающей мира. Ей — наша любовь».

Человек на войне... Об этом скороговоркой не скажешь, это объемная тема для долгого разговора. Такой разговор с временем требует от автора и широты мышления, знаний, наблюдений, и способности к историческим аналогиям, и четкости классовой позиции, и литературного мастерства, наконец — прицельно точного публицистического пера. В повестях Кривицкого эти качества сочетаются щедро и благодарно, делая его разговор с временем живым и увлекательным для того, кто захочет его услышать, — читателя.

Композиция повестей сложна, но именно таково свойство памяти: она чуждается прямой хронологии, вызывая из прошлого именно то, что нужно для размышления. И соседствуют в них фронтовые поездки корреспондентов «Красной звезды», эпизоды битвы за Москву с эпизодами Семилетней войны, суворовских войн, сражений с Наполеоном, соединяя времена, оживляя страницы старых мемуаров, которые автор и его друг читают по ночам вслух в холодной прифронтовой Москве.

Человек на войне в повестях Кривицкого — это и доблестный русский солдат, офицер, полководец, писатель в батальном дыму отечественной истории, где «маршируют теперь уже немые батальоны, идут беззвучные сражения». Это и наш современник, советский человек в самой безжалостной из войн, где «не только сталь ударила о сталь», но столкнулись две непримиримые общественные силы, где был невозможен половинчатый или ничейный исход — только победа или поражение.

Четко акцентируя классовую природу войн, писатель размышляет о мужестве и отваге, о воинском долге перед Отечеством, о вдохновляющей силе воинских традиций, об офицерах и полководцах, кому была ведома наука побеждать. И как яркое проявление непобедимости нашего социалистического строя, исследует автор нравственные истоки массового героизма советского воина, проявленного на полях сражений Великой Отечественной. Александр Кривицкий был первым, написавшим о бое у разъезда Дубосеково. «В подвиге двадцати восьми героев-панфиловцев, — подчеркивает он, — наших дорогих ребят — светлоглазых и курносых, смуглых и плосколицых, темноглазых и раскосых — отразился общий, единый нравственный дух Советской Армии».

Память автора привела на страницы книг множество интересных, добрых, духовно щедрых людей — его друзей, знакомых, соратников, сослуживцев. Мастерство портретной характеристики позволяет нам представить себе их лица, живой и точный диалог — услышать особенности речи, подчеркнутые автором емкие психологические штрихи — понять характеры.

Есть в этих книгах и другие интересные герои, не менее реальные, чем люди, — стихи, поэмы, повести, романы, судьбы и биографии которых (а у каждой книги, как известно, своя биография) складывались либо на глазах, либо при участии самого Кривицкого. «Жди меня» и «Живые и мертвые» К. Симонова, «Смерть сапера» Б. Пастернака, поэмы о героях-панфиловцах, написанные Н. Хикметом и Н. Тихоновым, повесть Павленко, рассказы Платонова... Наблюдая вместе с автором за их созданием, мы словно бы приобщаемся к прекрасному таинству «превращения жизни» в литературу.

Он звучит ярко и взволнованно, по-партийному страстный голос автора, беседующего с временем: «Какие годы прогреготали над нами! Противник был силен и грозен. Победа над ним не означала чуда, наподобие библейских. Победил советский народ, его общественный строй. Восторжествовала военная организация большевизма».

Этот признающийся в любви голос и темпераментен, и молод, и как-то даже не верится, что Александру Юрьевичу Кривицкому сегодня исполняется ровно семьдесят, с чем его хочется от всего сердца поздравить и поблагодарить за умные, честные и истинно военные книги.

Подполковник
Ю. БЕЛИЧЕНКО.